

Сергей МАЛУХИН

Красноярск

Сергей Сергеевич Малухин работает инженером-строителем, реставратором. Автор четырёх книг, публикаций в альманахах Красноярска, Новосибирска, Гатчины, Москвы. Лауреат международного и всероссийских литературных конкурсов, победитель конкурсов прозы на литературных интернет-сайтах. Победитель конкурса короткого рассказа за 2017 год, проводимого альманахом «Новый Енисейский литератор». Кроме литературы, увлекается спортивными бальными танцами.

КАК Я ЧУТЬ БЫЛО НЕ СТАЛ ПИСАТЕЛЕМ

В том, что я чуть было не стал писателем, виновата Евгения Коржикова. А в том, что я им не стал, виноват... получается, что я сам и виноват.

Как-то раз, в начале осени, мы стояли с Женькой на крыльце нашего офиса. Курили, трепались ни о чём. Лениво поглядывали то на снующих по асфальтированной площадке голубей, то на часы: далеко ли ещё до окончания рабочего дня? И тут я брякнул:

— Знаешь, мне книжка попалась интересная. И сюжетец, и образы, и читается легко. А автор, оказывается, из нашего города! Надо же, и у нас есть хорошие писатели.

Женька выпустила губами-трубочкой струю дыма:

— Ну и что? Сейчас каждый достаточно грамотный человек может стать писателем. Вот я в прошлом году издала книгу. И не где-нибудь в провинции, а в Питере!

Вот этого я не ожидал. Коржикова, которая отличалась тем, что всегда норовила спихнуть свою работу на кого-то другого, которая без конца мучилась со служебной перепиской, оказалась настоящим писателем. Ну и ну! Хотя... да, были великие писатели, не знавшие математики, других точных наук, игроки, лентяи, да просто неприятные типы, за счёт своего таланта написавшие замечательные книги. Могут же люди!

Видимо, нахлынувшие чувства отразились на моём лице. Женька бросила окурочку сигареты точно в урну и хлопнула меня по спине:

— Слушай, а может, и тебе попробовать что-нибудь написать? Парень ты грамотный и рассказываешь неплохо.

Анекдотов вон много знаешь. Напиши для начала рассказ. Небольшой. Страниц на десять, сразу много не надо. Посмотрим, может, и из тебя писатель получится.

— Попробовать можно, — протянул я, собирая мысли в голове в кучу. — А о чём писать?

— Э-э... ну-у... это сложный вопрос. Напиши что-нибудь из своей жизни, из жизни друзей, знакомых, коллег, что ли. В общем — черкай, что-нибудь получится!

— А что? Вот возьму и напишу. И знаешь, я вот прямо сейчас курить брошу и больше не закурю, пока меня не напечатают, пока моя фамилия крупными буквами на обложке не засияет!

Я человек азартный и в словах своих твёрд, поэтому вечером дома, сразу после ужина, сел за компьютер и начал сочинять. Была пятница, потом промелькнули суббота и воскресенье. Я творил, не считая часов и прерываясь только на еду и сон, и грезил о славе Чехова и о миллионах Акунина. Короче, в понедельник я положил на стол Коржиковой свой первый рассказ. На трёх страничках. Через пять минут она позвала меня «покурить». Я сунул в рот карамельку и вышел вслед за Женей.

— Прочитала. Знаешь, очень даже неплохо. Мне понравилось.

— Ага, спасибо. И что дальше? Где меня напечатают?

— Напечатают? Начинающему автору не так просто пробиться. Я дам тебе телефон моего знакомого местного редактора, пусть он посмотрит. Совет даст. Но с тебя коньяк!

— О чём разговор! Я сам с ним с удовольствием выпью, о литературе поговорим...

— Ха-ха-ха! Это ты мне коньяк должен! А с ним сам договаривайся.

Я позвонил знакомому Коржиковой редактору по фамилии Пухлый, и он назначил мне встречу через неделю.

В оговорённое время я вошёл в издательство, прижимая к взволнованной груди тонкую папочку со своим рассказом. В коридоре издательства было пусто, тихо и полутемно. Медленно проходя, я всматривался в двери, ища табличку с надписью «Редакция». Вдруг одна из дверей распахнулась, и

оттуда стремительно вышел человек с ворохом каких-то бумаг в руках. Он хотел быстро обойти меня, спеша по своим делам, но я вежливо и непреклонно преградил ему путь:

— Извините, где я могу найти редактора? Льва Николаевича?

— Это я, — отрывисто сказал мужчина. — Что у вас — поэма, сценарий?

Он всё-таки проскользнул мимо меня и нырнул в дверь с надписью «Не входить». Решив, что наше знакомство уже состоялось, я вошёл следом. Кабинет редактора представлял собой узкую, в одно окно, и длинную комнату, со стеллажами вдоль стен, с большим столом, заваленным всевозможной макулатурой, журналами, фотографиями и просто разнокалиберными листами бумаги. Сам редактор был под стать своему кабинету: худощавый, с залысинами надо лбом, с растрёпанными длинными остатками волос.

— Здравствуйте, — быстро проговорил я. — Мы договаривались. Мне ваш телефон дала Коржикова Евгения Вадимовна.

— А, Ксантиппа, — как мне показалось, с некоторым пренебрежением отозвался мужчина.

— Кто-кто? — не понял я.

— Мы её в издательстве называем Женой Сократа. Она выпустила книжку под названием «Женщина-Сократ». Ну а мы с ней как бы, гм-гм... приятели, и я её зову по имени — Ксантиппа.

— Поня-ятно, — протянул я. — Так вот, я написал рассказ. Первый. Евгении понравилось. Прочтёте?

Редактор быстро схватил со стеллажа самую толстую папку с бумагами и прикрыл ей лицо.

— Нет!! И вообще, работы в издательство надо представлять в бумажном виде и в электронном. Приходите через неделю. Будет секретарь, ей отдадите.

— Знаю. У меня всё есть, — я положил на свободный от бумаг край стола свою папочку и дискету с файлом рассказа.

— Что вы делаете?! — от возмущения редактор даже отбросил в сторону толстую папку. — Нельзя же так сразу! Ладно, давайте, я прочту. Потом.

— Хорошо, — согласился я. — Могу зайти завтра. Или перезвонить?

— Завтра?! Да вы что?! Позвоните хоть... через неделю. А ещё лучше — когда напишете второй рассказ. Тогда и позвоните.

— Договорились, — я протянул редактору руку. — Сразу же позвоню.

Второй рассказ я написал в субботу. Выждал время для приличия и позвонил в среду.

Трубку телефона долго не брали. Но я был настойчив и звонил в редакцию каждый час. Наконец, вечером, без четверти шесть, далёкий безликий голос произнёс:

— Редакция. Слушаю вас.

— Лев Николаевич! — закричал я. — Помните, я вам рассказ приносил, а вы сказали написать ещё? Так я написал. И дискета есть. Когда можно принести? Могу хоть завтра.

— Нет-нет! На это неделе не надо. Ну, если хотите, приходите числа десятого, часиков в четыре, в пять.

Вдохновлённый предстоящей встречей, я к назначенному сроку написал и третий рассказ. Кроме того, у меня созрел план написать целый роман. Я даже название придумал: «Писателя трудная судьба». Правда, до десятого числа больше ничего, кроме названия, придумать не успел и решил поделиться замыслом со своими более сведущими коллегами: Женькой Коржиковой и редактором Львом Николаевичем Пухлым.

Десятого, ровно в шестнадцать часов, я снова вошёл в коридор редакции. Лев Николаевич уже ждал меня. Правда, был он не один, а, стоя у двери с табличкой «Бухгалтерия», оживлённо беседовал с крупным краснолицым мужчиной.

— Здравствуйте, — вежливо и общо поздоровался я.

— А, это вы? Здравствуйте, — редактор Пухлый, едва глянув на меня, отвернулся к своему собеседнику и продолжил разговор: — Александр Сергеевич, твоя статья о патриотизме как раз в духе времени. Я подправлю что надо, и поставим в очередной номер. Ну а с книгой ты поторопись: я уже пишу вступительную статью. В этом году надо издать. Бывай, у меня ещё куча дел.

— Лев Николаевич, — напомнил я о себе, — а как мой рассказ, прочитали? Я вот тут ещё два написал. Распечатал и на дискете тоже принёс.

— Э-э, как называется рассказ? А это — ещё два? — редактор с сомнением посмотрел на тонкие листочки бумаги в моей руке.

Потом подошёл на шаг и взялся за молнию на моей куртке, повёл: вниз — вверх.

— Знаете что, молодой человек, ваш рассказ не подходит. Приходите... ну, скажем, через год. А пока попробуйте напечататься в какой-нибудь многотиражке или в коллективном сборнике для начинающих. А вообще, мой совет вам: пишите, пишите больше. До свиданья!

Лев Николаевич стремительно исчез за одной из дверей редакции. Я несколько растерянно стоял в коридоре. Золотой ореол писательского романтизма испарялся из моей головы. И тут крепкие пальцы взяли меня за локоть:

— Ты расстроился, что ли? Наплюй. Пухлый, он такой. С первого раза никого не печатает. К нему подход нужен. Ну, или интерес. Хочешь, расскажу? Тогда давай знакомиться: Александр Гаубицын, писатель, публицист. Слышал?

Наверное, я покраснел от смущения, что не знаю этого имени.

— М-м-да... Н-не читал, извините.

— Ничего, вот книжку выпустим — я тебе подарю: читай, просвещайся. Угостишь? Пошли, тут недалеко я местечко знаю, там чебуреки недорого. И всё остальное имеется.

«Местечко недалеко» называлось «Рюмочная». Мы взяли по чебуреку, расположились за круглым столиком на четырёх высоких металлических ногах. Александр Сергеевич взял двойную порцию «Столичной» в гранёном стакане. Я не решился — ведь мне предстояло беседовать с настоящим писателем, надо было запомнить каждое его слово, каждый жест. Вот буду в старости писать свои мемуары и в одной из глав напишу: «Вот как-то раз сидели мы с всемирно известным Александром Гаубицыным...» Я взял бледно-коричневый чай в таком же гранёном стакане и два кусочка рафинада.

— Ну, за нас, за литераторов!

Маститый писатель выпил залпом, я пригубил чай.

— Знаете, Александр Сергеевич, я уже знаком с одной писательницей, Евгенией Коржиковой. Но вот о писательском мастерстве мы как-то...

— Ха-ха-ха! — громко рассмеялся мэтр. — С этой бездарью о чём можно говорить? Ну и что, что она окончила литературные курсы? Ты её книгу читал?

— Нет пока. Только рассказы.

— И не советую читать. Там написано о таких же дурах, как она. Ну да это сейчас, как говорят, «в тренде». За это платят хорошие деньги. За аморалку?! За пошлость?! Ты меня читай, меня слушай. Знаешь, кем я был? Я окончил торговый факультет, а потом попал во флот. Ты вот, к примеру, служил? Возьми-ка мне ещё порцию. Да-да, повторить!

— У нас в политехе была военная кафедра, — признался я. — Но по состоянию здоровья — зрение минус шесть с половиной — в армию меня не взяли.

— Ха-ха-ха, салага! А вот я был старшим мичманом. Я был начальник склад... тс-с! Начальник объекта! Мы стояли в Бердянске. Ну, там служба была! Эх, жаль, либералы всё развалили. Но я и тогда не потерялся. Я стал оперун... оперуб... опер-упал-намоченный. Ростов-папа, эх-ма! Тоже было хорошее время. «Севастопольский ва-альс, золотые деньки...» Жаль, прокол один раз вышел, с московским «ботаном» как-то тёрки вышли, а он адвокатом оказался. Попёрли меня из органов. Ты давай мне ещё... повтори! Но, как говорится, «врагу не сдаётся наш гордый „Варяг“!» Тут мне, кстати, военную пенсию оформили, и я в ваш городишко переехал. Сидеть на лавке — тьфу! Не по мне. У меня натура деятельная. И мне есть чему молодёжь научить. Я написал статью, там, про патриотизм, про родину, наши духовные скрепы, и отнёс в здешнюю молодёжку. Взяли! Правда, тот редактор правил чуть ли не каждое слово, даже запятые — но напечатали. Попробовали бы они не напечатать. Это не то что роман про «озабоченных баб». А я дальше писать стал. Вот теперь книгу строчу.

— Конечно, Александр Сергеевич, — попробовал подольститься я, — вам есть что вспомнить. И по морям плавали, и...

— Чт-то-о?! Ах ты, салага! Г-но в проруби плавает, а я «ходил»! Да я Азовское море вдоль и поперёк! Плавали — вот тебе!

Я едва успел увернуться от гранёного стакана, пущенного крепкой, но нетвёрдой рукой.

— Извините! Я, пожалуй, пойду...

Я рысцой выбежал из «Рюмочной», не забыв положить купюру на тарелочку у кассы.

Уф-ф! Оказывается, быть писателем не только хлопотно, но ещё и опасно. И верно ведь: Лермонтова убили, Пушкина убили, Гумилёва расстреляли, Есенина повесили. Страх и ужас! Нет, ну её... в библиотеку, эту литературу. Лучше домой, к телевизору.

В кармане резко и требовательно зазвонил телефон. Чёрт! Я же оставил Пухлому свой номер! Сейчас они меня найдут и... Но мой палец сам нажал кнопку:

— Д-д-да...

Приятный женский голос без тени угрозы произнёс:

— Привет, Сергей! Ты что, совсем забыл меня? Почему не приходишь в «Поэму»?

— К-кто? Куда??

— В «Поэму танцев», говорю, почему не приходишь? Алло! Это Сергей?

— Нет, это Толя. Очевидно, вы ошиблись номером. Но, Бога ради, милая девушка, не бросайте трубку! Я очень хочу прийти в «Поэму танцев». Вы только скажите адрес.

Прошёл год. Коржикова от нас уволилась. Ни Пухлого, ни Гаубицына я больше не видел и не желаю видеть.

Теперь я регулярно хожу на занятия в клуб бальных танцев «Поэма». У меня чудесная партнёрша, прекрасные товарищи, вызывающее восторг увлечение. Писателем я не стал. Но, возможно, когда-нибудь я стану поэтом.